

А. М. БЕРЕЗКИН

**ВАЛЕРИАН МАЙКОВ
В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО¹**

Упоминания о Валериане Николаевиче Майкове, утонувшем 15 июля 1847 г. на двадцать четвертом году жизни, — критике, литературная деятельность которого продолжалась в общей сложности около двух лет, — в текстах Достоевского редки. Тем не менее роль Майкова в творческих исканиях Достоевского представляется существенной. Прежде всего Майков дал весьма высокую и, как оказалось впоследствии, проницательную оценку первым произведениям Достоевского («Бедным людям», «Двойнику» «Господину Прохарчину»). В то время как Белинский начал заметно охладевать к творчеству Достоевского, особенно после выхода «Хозяйки», новый критик «Отечественных записок», Майков, поставил Достоевского в один ряд с Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем,² увидел в Достоевском продолжателя открытого Гоголем метода аналитического «художественного воспроизведения действительности»,³ а своеобразие Достоевского как художника в том, что он «поэт» «по преимуществу психологический», тогда как Гоголь — «поэт по преимуществу социальный».⁴ Воздействие на внимательного читателя

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный 12 ноября 2003 г. на XXVIII Международных чтениях «Достоевский и мировая культура».

² См.: *Майков В. Н.* Литературная критика: Статьи и рецензии. Л., 1985. С. 97 («Стихотворения Кольцова. Статья 1-я», 1846).

³ См.: Там же. С. 180 («Нечто о русской литературе в 1846 году», 1847). Майков характеризовал «Мертвые души» как «торжество русского анализа <...> мощного, бестрепетного и торжественно спокойного» (Там же. С. 46; «Краткое начертание истории русской литературы, составленное В. Аскоченским», 1846). Об оценке Майковым творчества Достоевского и «точках идейного соприкосновения» у Достоевского с В. Н. Майковым см.: *Гус М. С.* Идеи и образы Ф. М. Достоевского. 2-е изд., доп. М., 1971. С. 93—100, 180—182, 200, 443; *Ануфриев Г. Ф.* Валериан Майков о творчестве Достоевского // *Художественный метод и творческая индивидуальность писателя.* Свердловск, 1976. С. 18—29 (Свердловский гос. пед. ин-т. Науч. труды: Сб. № 284); *Макеев М. С.* Салтыков-Щедрин, Валериан Майков и Достоевский в 1840-е гг.: Несостоявшаяся литературная школа // *Вестн. Московского ун-та. Сер. 9. Филология.* 2001. № 2. С. 27—33.

⁴ *Майков В. Н.* Литературная критика. С. 180 («Нечто о русской литературе в 1846 году»).

«психологического анализа», осуществленного в «Двойнике», по мнению Майкова, «можно сравнить только с впечатлением любознательного человека, проникающего в химический состав материи», причем явный материалист Майков замечает далее, что «положительная», реальная «картина мира, просветленная этим взглядом, всегда представляется человеку облитому каким-то мистическим светом».⁵ Неоднократно это «странное» для материалиста суждение характеризовалось как свидетельство противоречивости мировоззрения молодого критика, однако противоречия здесь, по-видимому, нет — есть глубина последовательно развиваемой мысли: Майков признавал, что «сверхъестественное начинается <...> там, где просвещенная наукою мысль не может решить вопросы <...> есть твердо поставленные границы уму, следовательно, есть законное место мистицизму».⁶ Речь шла, таким образом, об обращении к тем явлениям действительности, которые не находят пока достаточного разумного, логического объяснения, но от изображения которых не вправе отказываться художник, призванный к отображению действительного в самом широком смысле — в том числе и относящегося к глубинам человеческого сознания. Кстати, сам Достоевский считал возможным для художника-реалиста обращение к «фантастическому». В конце жизни он писал о своем творчестве, не столько отвергая, сколько уточняя характеристику Майкова: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» (27, 65).

Через полтора десятка лет, в статье «Г-н -бов и вопрос об искусстве» (1861), Достоевский отозвался о Майкове как об одаренном литераторе и прекрасном человеке: «Валериан Майков принялся за дело горячо, блистательно, с светлым убеждением, с первым жаром юности. Но он не успел высказаться. <...> Много обещала эта прекрасная личность, и, может быть, многого мы с нею лишились» (18, 70—71). Известно, что при аресте Достоевского были изъяты несколько книг, среди которых был том «Сочинений Валериана Майкова» — по-видимому, конволют из оттисков его публикаций, принадлежавший Евгении Петровне Майковой. В письме к брату Михаилу из Петропавловской крепости 22 декабря 1849 г. Достоевский беспокоился о том, чтобы книга, данная ему матерью Майкова «как <...> драгоценность», была возвращена по принадлежности (28, 165). Он вспоминал об этом экземпляре и в письме к А. Н. Майкову от 18 января 1856 г.: «Получила ли Евгения Петровна книгу — разборы и критики в „Отечественных> записках“, писанные незабвенным Валерианом Николаевичем?» (28, 206—207).

⁵ Там же. С. 182.

⁶ Майков В. Критические опыты (1845—1847). СПб., 1891. С. 301 («Сочинения князя В. Ф. Одоевского», 1845).

Авторы некрологов и немногочисленных позднейших мемуарных характеристик Валериана Майкова были в сущности единодушны в высоких оценках его эрудиции, ума и особенно нравственных качеств. И. А. Гончаров видел в Майкове счастливую гармонию «головой» и «сердца»: «Он, сблизаясь с человеком, прежде всего умел найти в нем добрую сторону, полюбить ее и дать ей вес в глазах того человека и в своих собственных. <...> Нельзя думать, чтобы от его тонкого и наблюдательного ума ускользали недостатки человека, нет, но кротость и почти женская мягкость его сердца внушали ему удивительную терпимость и снисхождение к ним <...> Он старался или извинить, или смягчить замеченную им нравственную уродливость, или, если это было уже решительно невозможно, выражал свое невыгодное мнение улыбкой сожаления, иногда иронии, редко словом».⁷ А. У. Порецкий в некрологе «Отечественных записок» отмечал: «<...> этот человек видел в другом всё — и хорошее и дурное, но действовал так, что другой сейчас же чувствовал в себе свое хорошее и был доволен, и становилось ему удобно и ловко; а его дурное ставилось в таком свете, что как будто никому не мешало, так что было и тому хорошо, и другому хорошо».⁸ А. Н. Плещеев писал: «Довольно было сойтись с ним раз, чтоб увидеть, сколько любви заключалось в этом сердце, как горячо умело оно сочувствовать всему благородному и высокому и как возмущалось при виде всего, что унижает человеческое достоинство... <...> Одна из главных черт его характера состояла в том, что он умел находить во всяком хорошую сторону <...> каждый, кто приходил к нему с какою-нибудь исповедью, мучимый каким-нибудь тайным сомнением, неразрешенным вопросом, находил в нем сочувствие и утешение и уходил от него спокойнее. Эгоизма не имел он нисколько <...> в нем была потребность счастья, наслаждения, но не в ущерб другому...».⁹ А. П. Баласогло, отвечая в июне 1849 г. на вопросы следственной комиссии по делу о кружке Петрашевского, отозвался о Майкове в следующих выражениях: «...покойный Валериан Майков, доселе оплакиваемый всеми, кто его ни знал, и мною особенно, так как он был совершенный философ и эстетик в душе и человек, готовый служить всякому, чем только мог, от своего ума и сердца».¹⁰

Отмеченные черты этого коллективного портрета предвосхищают отчасти черты доброжелательного, чуткого, кроткого, всепро-

⁷ Гончаров И. А. В. Н. Майков // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 11.

⁸ Отечественные записки. 1847. Т. 53. № 8. Отд. VIII. С. 154.

⁹ [Плещеев А. Н.]. Петербургская хроника // Русский инвалид. 1847. 15 авг. № 181.

¹⁰ Дело петрашевцев. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 137.

щающего, но бескомпромиссного в нравственном отношении князя Льва Николаевича Мышкина в романе «Идиот». В подготовительных материалах к роману Достоевский отмечает силу нравственного воздействия князя: «...где только он ни *прикоснулся* — везде он оставил неисследимую черту» (9, 242; ср. 252).

Собиратель аналогий мог бы, вероятно, отметить одинаковость отчужденности главного героя романа и критика, а также то, что обе фамилии начинаются с буквы «м», двусложны и хореичны и образованы с помощью possessивных (притяжательных) суффиксов. Сопоставление возрастов Мышкина и Майкова позволяет также воспринимать их как почти ровесников, хотя и с существенными оговорками: Мышкину, приехавшему из Швейцарии в Россию, 26 лет, но выглядит он «гораздо меньше» своих лет (8, 24). Достоевский же познакомился с Майковым в 1846 г.,¹¹ когда тому было 22 года (на два года младше писателя).

Разумеется, самое осторожное предположение об одном из прототипов литературного героя требует тщательного учета всевозможных «несходств», отличий, противоречий. Так, князь Мышкин из-за продолжительной болезни не получил «правильного» образования (8, 25), хотя и прочитал «очень много русских книг». «Я небольшой учености», — признается князь Аглае (8, 430). Валериан Майков закончил кандидатом юридический факультет Санкт-Петербургского университета и был энциклопедически образованным человеком, касаясь в своих выступлениях философских, эстетических, искусствоведческих, политико-экономических, социологических, историографических, психологических и педагогических проблем. Еще существеннее то, что князь Мышкин остро ощущает собствен-

¹¹ И. Д. Якубович в «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского», вслед за комментарием академического издания, относит знакомство Достоевского с Майковым к «концу января» 1846 г., основываясь на словах самого писателя в письме к брату Михаилу от 1 февраля 1846 г.: «Во мне находят новую оригинальную струю (Белинский и прочие), состоящую в том, что я действую Анализом, а не Синтезом, то есть иду в глубину и, разбирая по атомам, отыскиваю целое. Гоголь же берет прямо целое и оттого не так глубоко, как я» (28₁, 118). Поскольку «анализ» и «синтез» — важнейшие понятия именно для В. Н. Майкова, автор примечаний в академическом издании (в данном случае И. А. Битюгова) приходит к заключению, что «Достоевскому могло быть известно мнение Майкова» еще до публикации его статьи «Нечто о русской литературе в 1846 году»: «Познакомившись с братьями Ап. и В. Майковыми в конце 1845 или начале 1846 г. <...> он мог слышать устные суждения В. Майкова о своем романе» (28₁, 431). Первые посещения Достоевским кружка братьев Бекетовых, где часто бывал В. Н. Майков, И. Д. Якубович, основываясь на воспоминаниях Д. В. Григоровича, относит предположительно к концу зимы — началу весны 1846 г. (см.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 107, 112). Сам Достоевский в ответах на вопросы Следственной комиссии летом 1849 г. сообщал, что лично «был знаком» с Валерианом Майковым «всего один год, как с литератором» (18, 168).

ную трагическую обреченность, тогда как критик Майков в своих статьях по преимуществу оптимист: он убежден в могуществе человеческого разума и осуществимости прогрессивных социальных идеалов.

* * *

Следует отметить, что суждения Валериана Майкова в течение полутора веков оставались недопонятыми и толковались весьма разноречиво. Пониманию мешала идеологическая предвзятость — попытки соотнести то или иное высказывание критика с определенным философским или политическим учением. Многие отдельно взятые суждения Майкова соотносимы с различными научными методами и философскими системами (например, с экономическим романтизмом Ж. Сисмонди, логикой И. Канта, позитивизмом О. Конта, антропологическим материализмом Л. Фейербаха), но «идеи других» оказываются не столько заимствованиями, сколько отправными точками для свободного и последовательного развития собственной мысли. Поэтому попытки отождествления взглядов Майкова с теми или иными идейными течениями оказывались недостаточными и приводили к противоречивым выводам, которые ошибочно истолковывались как свидетельство противоречивости суждений самого критика и даже эклектизм. Дело в том, что чтение написанного Майковым представляет собой отнюдь не легкую задачу: за внешне неторопливым изложением, попутными экскурсами, периодически возвращаясь к ранее высказанным соображениям, вызывавшими упреки в «многословии», скрывается стремительное течение развивающейся мысли. Внимательное чтение показывает, что «избыточных слов» у Майкова в сущности нет: все необходимо для развития и понимания мысли, и, следовательно, от читателя требуется прежде всего неослабное внимание. Этого-то чаще всего и не доставало читателям и толкователям.

Когда речь заходит о мировоззрении Валериана Майкова, обычно отмечается сочувствие идеям утопического социализма, идейно сближавшее его с петрашевцами, близкий учению Л. Фейербаха антропологический материализм и вытекающий из него «закон симпатии» — представление о художественном творчестве как «очеловечении действительности», т. е. движимом любовью или негодованием «верном изображении действительности с ее симпатической стороны», «пересоздании действительности» с целью ее «возведения в мир человеческих интересов».¹² Непременно вспоминается и то, что Майков не только обвинял славянофилов в не-

¹² Майков В. Н. Литературная критика. С. 108—109 («Стихотворения Кольцова. Статья 2-я», 1846).

разумности,¹³ но и отстаивал позиции «разумного космополитизма», утверждая необходимость для развивающейся личности преодолеть «национальную односторонность» («национальное мирозерцание»), «чтоб перейти в человечность».¹⁴ Наконец, констатируется и настроенное отношение Майкова к диалектике, прежде всего гегелевской, в которой он видел порождение «мечтательного» идеалистического мировоззрения («венец мудрости, отрешенной от жизни»),¹⁵ оборачивающееся в действительной жизни отвлеченной софистикой, оправдывающей «дуализм» (т. е. эклектику) и затуманивающей ум.

В этом перечне идей и тенденций недостает, однако, некоторых принципиально важных моментов, без учета которых трудно понять целостность мировоззрения Майкова и его восприятие Достоевским.

* * *

Важнейшими, основополагающими для Майкова являются понятия «жизнь» и «жизненность». «Жизнь всегда и во всем отрадна и сама по себе, независимо от всех определяющих ее условий, есть величайшее благо, какое только может в понятиях своих создать человек».¹⁶ «Жизненность» — полнота проявления жизненных сил, «гармоническое развитие всех человеческих потребностей и соответствующих им способностей», составляющих «общий всем людям идеал человека».¹⁷ Мысль о величайшей ценности жизни даже в ее самых обыденных проявлениях была близка Достоевскому и нашла художественное воплощение в ряде его произведений. Раскольников, изнемогающий под грузом взятого им на себя «подвига» преодоления лицемерных нравственных запретов и помышляющий о самоубийстве, выбирает жизнь, несмотря на все сопряженные с ней тяготы и унижения, — жизнь «на аршине пространства»: «Только бы жить, жить и жить! Как бы ни жить — только жить!.. Экая правда! Господи, какая правда! Подлец человек! И подлец тот, кто его за это подлецом называет» (6, 123). О доверии к жизни говорит Порфирий Петрович: «Отдайтесь жизни прямо, не рассуждая; не беспокойтесь, — прямо на берег вынесет и на ноги поставит» (6, 351). Князь Мышкин убежден в «бесконечной» ценности земной

¹³ См.: Там же. С. 42 («Краткое начертание истории русской литературы, составленное В. Аскоченским», 1846).

¹⁴ См.: Там же. С. 140, 151 («Стихотворения Кольцова. Статья 2-я»).

¹⁵ См.: *Майков В.* Критические опыты. С. 598 («Общественные науки в России. Статья 2-я», 1845).

¹⁶ *Майков В. Н.* Литературная критика. С. 313 («Сто рисунков из сочинения Н. В. Гоголя «Мертвые души», 1847).

¹⁷ Там же. С. 127 («Стихотворения Кольцова. Статья 2-я»).

жизни (8, 52) и «счастье» повседневного бытия: «...я не понимаю, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его? Говорить с человеком и не быть счастливым, что любишь его! <...> а сколько вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными?» (8, 459). Утверждение любви к жизни как возвышающего чувства — важнейшая тема «Братьев Карамазовых». Признание Алеши Карамазова: «Я думаю, что все должны прежде всего на свете жизнь полюбить» (14, 210) — в композиции романа «подкрепляется» нравоучением его духовного наставника старца Зосимы: «Любите все создание Божие, и целое и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите <...> Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах» (14, 289). Призыв Алеши Карамазова «жизнь полюбить» «прежде логики» сочувственно воспринимается и Иваном Карамазовым, сознательно избравшим путь богоборчества: «Жить хочется, и я живу, хотя бы и вопреки логике. Пусть я не верю в порядок вещей, но дороги мне клейкие, распускающиеся весной листочки, дорого голубое небо, дорог иной человек, которого иной раз <...> не знаешь за что и любишь» (14, 210).¹⁸

Антропологизм Майкова — это прежде всего вера в высшее предназначение человека. Природа человека изначально гармонична: «Добродетели прирождены человеческой природе как силы, составляющие ее сущность».¹⁹ Человек — «свободно разумное существо, созданное по образу и подобию Бога <...> Христос, со стороны своего человеческого существа, являет собою совершеннейший образец того, что называем мы величием личности: истинное его учение <...> до такой степени возвышается <...> над законами исторических явлений, что человечество до сих пор <...> не могло еще дорасти и до половины той независимости взгляда, без которой невозможно уразумение и осуществление его».²⁰ Итак, исполняя свое высшее предназначение, личность должна стать независимой, свободной и разумной. В то же время мысль Майкова о великих социальных преобразованиях как борьбе великой личности с косной средой близка отчасти суждениям Раскольникова. Майков писал: «...виновники великих общественных переворотов все без исключения были и должны быть одарены великою свободой личности и ополчены на подвиги вопиющим *противоречием* своих свойств с свойствами окружающих их явлений общественности и природы: иначе эти явления увлекали бы их в свой круговорот и порядок

¹⁸ См. также: Бочаров С. Г. Кубок жизни и клейкие листочки // Бочаров С. Г. О художественных мирах. М., 1985. С. 210—228.

¹⁹ Майков В. Н. Литературная критика. С. 127 («Стихотворения Кольцова. Статья 2-я»).

²⁰ Там же. С. 130—131.

вещей оставался бы неизменным. Величайший переворот в жизни человечества произведен был самим Богом в образе человека».²¹ Раскольников же «выводит» (т. е. логически развивает мысль, «доводит до последствий») в своей статье, что «все <...> законодатели и установители человечества <...> были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом <...> и уж, конечно, не останавливались и перед кровью...» (6, 199—200).

Майковские суждения о «миллионах страдательных существ» («прозябающей и механически движимой массе») и немногочисленных «великих людях», приближающих человечество к «идеалу» (к ним отнесены, в частности, Декарт и Бэкон, освободившие человеческий разум),²² в преломленном виде также присутствуют в «статье» Раскольникова, пришедшего к заключению, что «по закону природы» человечество делится на составляющий основную массу «низший» (обыкновенный) разряд — «материал, служащий единственно для зарождения себе подобных» (эти люди «живут в послушании и любят быть послушными», «сохраняют мир и приумножают его численно»), и людей, которые «имеют дар или талант сказать в среде своей *новое слово*», «двигают мир и ведут его к цели» (в качестве примеров несомненно гениальных людей Раскольников называет Кеплера и Ньютона, доказавших несостоятельность прежних представлений о мироздании) и в соответствии со своей исторической миссией ответственны за будущее человечества. И здесь идея Майкова у Достоевского получает дальнейшее развитие: его герой задумывается о том, к каким средствам допустимо прибегать для «исполнения идеи», — имеют ли наконец «истинно великие люди» нравственное право жертвовать жизнью тех, кто будет препятствовать движению по пути прогресса (см.: 6, 199—203).²³

²¹ Там же. С. 130

²² Там же. С. 130—131.

²³ Отмечу попутно, что и в статьях Майкова, и в произведениях Достоевского значение слова «диалектика» содержит негативную коннотацию, приближаясь по значению к «софистике». Зародившаяся в недрах идеализма «диалектика», дорожающая противоположностями как предпосылками будущего «высшего» синтеза, для Майкова была разновидностью схоластики, «сферой отвлеченных тонкостей, чисто диалектических, условных понятий и всякого рода логических фокусов» (*Майков В. Н. Литературная критика*. С. 190 («Нечто о русской литературе в 1846 году»)). Гегелевская диалектика представлялась Майкову своего рода «силлогистикой», порождением «мысли, отрешившейся от жизни, погруженной в созерцание самой себя, без всякого отношения к действительности», «чистым умозрением, не зависящим от опыта» (*Майков В. Критические опыты*. С. 562, 598 (Общественные науки в России. Статья 1-я)). В статье Достоевского «„Свисток“ и „Русский вестник“» (1860) говорится об «упражнениях в диалектике», чуждых «настоящей жизни» (19, 108). Уже в начале «Преступления и наказания» появляется авторская однозначно негативная

В «Преступлении и наказании» отразилась, кстати сказать, еще одна вскользь затронутая, но не развитая Майковым мысль о противостоянии «великой личности» не только явлениям «общественности», но и самой косной «природе». Правда, сам Раскольников, вынужденный быть предельно осторожным, в первой беседе с Порфирием Петровичем утверждает, что человечество делится на «разряды» «по закону природы», а молодой офицер в трактире, слушая рассказ своего приятеля-студента о «вредной старушонке», замечает: «Конечно, она недостойна жить <...> но ведь тут природа». Однако студент на это решительно возражает: «...да ведь природу поправляют и направляют, а без этого пришлось бы потонуть в предрассудках. Без этого ни одного бы великого человека не было» (6, 54). В романе отмечается далее, что у Раскольникова «такие же точно мысли» (6, 55).

В статье Майкова «Стихотворения Кольцова» есть также утверждение о том, что в «характере русского большинства» преобладает «неподвижность».²⁴ Оно может быть соотнесено с замечанием Достоевского о главном герое своих «Записок из подполья» (в наброске предисловия к роману «Подросток»): «Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека *русского большинства* и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону» (16, 329). При этом мысль Майкова существенно переосмыслиется Достоевским: акцент делается на нравственной инертности «большинства».

* * *

По убеждению Майкова, именно разум «дает жизни смысл и значение».²⁵ «Совершеннейшая форма человеческого познания» — наука.²⁶ Разум опирается прежде всего на логику, являющуюся не только важнейшим инструментом познания, но и его теорией — «наукой, исследующей законы науки».²⁷ Свои эстетические принци-

оценка «теории» Раскольникова как «казуистики»: «...казустика его выточилась, как бритва» (6, 58), а в эпилоге констатируется: «Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое» (6, 422). И материалисту Майкову, и идеалисту Достоевскому жизнь представлялась величайшей ценностью и важнейшим критерием истинности в попытках осмысления миропорядка. Умозрительные представления о жизни воспринимались ими обоими как слабость мысли и фальшь.

²⁴ Там же. С. 149—150 («Стихотворения Кольцова. Статья 2-я»).

²⁵ Там же. С. 122 («Стихотворения Кольцова. Статья 1-я»).

²⁶ Там же. С. 337 («Анализ и синтез», 1845).

²⁷ См.: Майков В. Критические опыты. С. 607 («Общественные науки в России. Статья 2-я»). Принципиально различными оказывались оценки Майковым и Достоевским роли логики в формировании мировоззрения и становлении личности. Майков настаивал на необходимости для общества «правильной логической системы» (Там же). Разумихин в «Преступлении и наказании»

пы Майков однажды назвал «рациональной эстетикой»,²⁸ настаивая на «математической строгости суждений».²⁹ Постоянное стремление к обобщению, «общим вопросам» характерно для статей Майкова. Идеал познается разумом, восходящим от частного к общему. Более высокий уровень логического обобщения дает представление о более высоком идеале. Утверждение Майковым в статье о Кольцове необходимости преодолеть «национальное» для осуществления общечеловеческого, высшего идеала, многим представлялось отказом от данной им двумя годами ранее в статье «Общественные науки в России» характеристики «народности» («национальности») как «возможно сильного развития какой-нибудь существенной части общечеловеческой природы». Тогда Майков подчеркивал, что «народность <...> не служит препятствием <...> к развитию человека на земле», а, напротив, «составляет одно из условий этого развития».³⁰ Но, очевидно, здесь нет ни радикальной перемены взгляда, ни тем более логического противоречия. В статье о Кольцове речь шла о высшем разумном («совершеннейшем») идеале, с которым, в частности, стремились соотносить свои мысли и планы члены кружка Петрашевского.³¹ Убежденность Майкова в существовании общечеловеческого идеала — разумного и нравственного — оказывалась, таким образом, созвучной Евангелию, призывавшему людей к

решительно возражает «социалистам», пренебрегающим «живым процессом жизни»: «С одной логикой нельзя через натуру перескочить! Логика предугадает три случая, а их миллион!» (6, 197).

²⁸ См.: Майков В. Н. Литературная критика. С. 105 («Стихотворения Кольцова. Статья 1-я»).

²⁹ См.: Там же. С. 43 («Краткое начертание истории русской литературы, составленное В. Аскоченским»).

³⁰ Майков В. Критические опыты. С. 589 («Общественные науки в России. Статья 1-я»).

³¹ Так, в статье «Общественные науки в России» правед Майков оставался на «пользе» и «необходимости» в государстве «общественного наказания», основа которого «чисто политическая и не может быть другою», пока «внешняя сила» остается «единственным средством к поддержанию законного порядка вещей». В то же время Майков напоминает о «шаткости суда людского», недостаточной разработанности «теории вменения», невозможности уяснения «с математическою точностью» «внутреннего смысла преступления» и заканчивает не признанием наивности мечтателей-утопистов, настаивающих в духе евангельского учения на немедленном отказе от уголовного суда, а указанием на возможность осуществления высшего идеала в земной жизни: «Необходимость этой меры будет неоспорима до тех пор, пока не воцарятся на земле добро и разум, пока нравственность не приобрела того могущества, которое делает <не>возможным для воли уклонения от истинного пути, или пока разум не стал на ту ступень, на которой требования эгоизма примиряются с требованиями нравственности. <...> все утописты, мечтавшие об уничтожении наказания, должны были обратиться прежде всего к изысканию средств довести человека до идеального совершенства нравственного и разумного» (см.: Майков В. Критические опыты. С. 577—579).

«единению во Христе»: «Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Посл. к Колос., 3: 9—11).

«Общее» предпочиталось «частному», и особенно решительно тогда, когда речь шла о высшем, вечном идеале. Значительно позднее, в 1871 г., М. Е. Салтыков, бывший в первой половине 1840-х гг. посетителем кружка Петрашевского и собраний у Майкова, так писал о творчестве Достоевского, тоже в прошлом «петрашевца»: «Он не только признает законность тех интересов, которые волнуют современное общество, но даже идет далее, вступает в область предвешений и предчувствований, которые составляют цель не непосредственных, а отдаленнейших исканий человечества». О романе «Идиот», где делалась «попытка изобразить тип человека, достигшего полного нравственного и духовного равновесия», замечалось: «Это, так сказать, конечная цель, в виду которой даже самые радикальные разрешения всех остальных вопросов, интересующих общество, кажутся лишь промежуточными станциями».³²

* * *

Воодушевленность высокими идеалами и способность следовать христианским нравственным принципам в повседневной жизни, по-видимому, привлекали Достоевского в Валериане Майкове как личности. Но несомненно важен был для него Майков — самобытный и последовательный мыслитель, стремившийся ставить во главу угла «общие вопросы», чьи суждения возвышались до значительной философской глубины и надолго сохраняли способность будить и стимулировать мысль.

Разделявшаяся самим Достоевским вера князя Мышкина в «обновление всего человечества и воскресение его, может быть, одною только русскою мыслью, русским Богом и Христом» (8, 453), конечно, противоположна идеям Майкова. Отмечу также, что Тихомиров в «Подростке» высказывает мысли, действительно близкие Майкову. Так, Тихомиров говорит Крафту: «Оставьте Россию, если вы в ней разуверились, и работайте для будущего, — для будущего еще неизвестного народа, но который составит из всего человечества, без разбора племен <...> Делайте для человечества и об остальном не заботьтесь» (13, 45). Майков был и, видимо, оставался для Достоевского желанным собеседником, мнение которого представлялось весьма существенным: во-первых, в силу обаяния его лич-

³² Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1970. Т. 9. С. 412—413.

ности, а во-вторых, потому, что его суждения были, как правило, последовательно аргументированными.

В заметках к «Бесам» в связи с образом будущего персонажа, условно обозначенного как «Гр<ановский>», Достоевский отмечал: «Отвлеченность мысли, отвлеченность жизни и социальной постановки бывает иногда причиною в некоторых людях чрезвычайной жестокости в отношении к людям и предубеждения в суждении о людях и вещах» (11, 143). Майков, мысливший как философ, считал необходимым постоянно иметь в виду и решать «общие вопросы», однако несомненный для него приоритет «жизни» и «жизненности» позволял ему сочетать «отвлеченность» с человечностью — способностью быть «милосерднее, справедливее, многостороннее и глубже <...> смотреть на людей и многое <...> им простить» (11, 144).

Как было показано выше, в произведениях и записях Достоевского присутствуют отклики на некоторые идеи, высказанные Валерианом Майковым, развитие (иногда полемическое) его мыслей, хотя Достоевский никогда не называет его имени в полемике, словно избегает упоминания его «всуе», дорожа им, как именем близкого человека. Так, упомянут Белинский и не назван по имени Майков в «Дневнике писателя» 1873 г. (глава XVI. «Одна из современных фальшей»), где Достоевский вспоминал о своем участии в кружке Петрашевского: «Я уже в <18>46 году был посвящен <...> во всю *святость* будущего коммунистического общества еще Белинским <...> все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о презрении к отечеству, как к тормозу во всеобщем развитии, и проч. и проч. — все это были такие влияния, которых мы преодолеть не могли и которые захватывали, напротив, наши сердца и умы во имя какого-то великодушия» (21, 131). В каком значении употреблено здесь слово «великодушные», чрезвычайно важное для Достоевского понятие?³³ В. И. Даль толковал его как «свойство переносить кротко все превратности жизни, прощать все обиды, всегда доброжелательствовать и творить добро».³⁴ Современные лексикографы определяют «великодушные» как «благородство», «щедрость души», а «великодушный» как «обладающий высокими душевными качествами, доброжелательный, душевный, щедрый», отмечая, кроме того, «устаревшее» значение «жертвующий своими личными интересами ради других, само-

³³ См.: Словарь языка Достоевского: Лексический строй идеолекта. М., 2001. Вып. 1. С. 55—60. Так, в частности, «великодушным человеком» Аркадий Долгорукий в «Подростке» называет Крафта, который настолько страдает от сознания «второстепенности» русского народа, что кончает жизнь самоубийством (см.: 13, 129).

³⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 176.

отверженный».³⁵ «Во имя какого-то великодушия...». О чем «великодушии» идет речь? Имеется в виду собственное желание быть благородным или нравственный пример тех, кто выдвигал и отстаивал новые, прогрессивные идеи, своим примером свидетельствуя в их пользу? Или же речь здесь идет о «духовном возвышении» человека, чувствующего свою причастность к осуществлению высокого идеала и верящего в его осуществимость? Одна из важнейших тем Достоевского — судьба идеи, развиваемой логически последовательно, представляющей несомненно разумной, истинной, преследующей возвышенную цель, но перерождающейся при попытке ее воплощения в жизнь. Возможно, выдвинутые Валерианом Майковым идеи и память о нем оказали влияние на развитие темы «разума» в творчестве Достоевского.

³⁵ Большой академический словарь русского языка. М.; СПб., 2005. Т. 2. С. 392.